

**Воспоминания
преподавателя химии и заведующей фотолаборатории
ТАУ в 1930-1940 гг.
Могилевской Сарры Соломоновны**

В Томском артиллерийском училище (ТАУ), а ранее – Артшколе (ТАШ)¹, я проработала 10 лет – с февраля 1930 г. по май 1940 г. Начала старшим лаборантом сразу по окончании университета и закончила старшим преподавателем химии.

Привлек меня к этой работе начальник химической службы, одновременно и преподаватель химии в ТАУ, инженер-химик, талантливый экспериментатор, живой, энергичный человек – Константин Павлович Крамида². По его инициативе мы двое, студенты-дипломники, вели химический кружок в ТАУ. Потом курсанты сами продолжили и значительно шире повели эту работу, используя химию для активной борьбы по антирелигиозной пропаганде (1928-1933 годы).

У нас было сделано 6 ящиков-укладок, с гнездами для склянок и соответствующей аппаратуры. Здесь же имелась подробная инструкция и примерный текст беседы по проведению опытов (12) по антирелигиозной пропаганде – вплоть до демонстрации «нерукотворного образа», заранее тщательно зарисованного курсантами-художниками бесцветными реактивами на холсте и проявлявшегося при опрыскивании «святой водой» (Na₂S).

С этим курсанты ездили в деревни Михайловку, Аникино и другие. Показывали эти опыты и у себя – красноармейцам, в подшефных школах и т.д. Кстати, в одной из школ учительница, жена курсанта, попросила оставить фосфор для опыта, склянка лопнула на уроке, произошел переполох, за что я от начальника ТАУ получила первое и единственное дисциплинарное взыскание – выговор. В этих же укладках был набор реактивов и текст беседы «Химия в сельском хозяйстве». Беседы эти вызывали оживленный интерес у слушателей – религия в то время еще была очень распространена в селе. Вечера заканчивались самодеятельностью. Укладки брали у нас политруки и других воинских частей.

Потом антирелигиозная пропаганда потеряла свой боевой характер, да и у курсантов появилась более интересная общественная работа – помощь стройке Кузбасса. По этому поводу и мне пришлось побывать в ноябрьские дни 1935 года в Новокузнецке. Это было поощрением – к нам приезжали оттуда на наши праздники лучшие рабочие и инженеры, а представители ТАУ приглашались туда (было нас несколько человек – фамилий не помню – командиры, курсанты и я). [Встречал нас] И.П. Бардин, он был тогда главным инженером завода³. Были на празднике, осматривали завод и особенно комсомольскую домну, в постройке которой немалая доля труда пришлась на долю курсантов ТАУ⁴.

К.П. Крамида работал в ТАУ очень долго, до февраля 1930 года, когда я его сменила. Но и перейдя в Сибирский химико-технологический институт⁵, продолжал помогать нам. Им была в ТАУ организована очень хорошая и богатая по тому времени химическая лаборатория. Забегая вперед, скажу, что в 1936-1938 г.г., занимаясь с курсантами, окончившими среднюю школу, я свободно проводила в этой лаборатории практические занятия по программе ВУЗА.

¹ Томская артиллерийская школа (ТАШ) преобразована в Томское артиллерийское училище 1 апреля 1937 г. См. *Томское ордена Красной Звезды высшее военное командное училище связи: Очерки истории училища за 75 лет / Ф.Н. Подустов. Томск, 1995. С. 23.*

² Исправлено. В тексте ошибочно – Кромиды.

³ Речь идет о главном инженере Кузнецкстроя, академике И.П. Бардине.

⁴ В сентябре 1931 г. весь личный состав ТАШ в течение недели работал на строительной площадке Кузнецкого металлургического комбината. См. *Томское ордена Красной Звезды высшее.... С. 31, 34.*

⁵ Исправлено, в тексте – политехнический.

Химический цикл занимал 3 больших класса в северо-восточной части старого учебного корпуса ТАУ, был прекрасно оснащен таблицами, схемами, имелись пространственные структуры атома, скелета углерода и т.д. Была своя токсикологическая камера, там вместе с доктором санчасти Г.К. Никольским ставились эксперименты и на животных, там же проводились и специальные сборы врачей запаса. Все это было создано по инициативе и руками т. Крамиды. Курсанты охотно работали с ним, уважая в нем ученого, руководителя и друга. Он скоропостижно скончался в 1933⁶ году, на его похороны был выделен почетный эскорт курсантов под командой его бывшего ученика, командира батареи Рейзмана И.А.

Мне, как преподавателю, да и нередко члену мандатной комиссии, особенно ярко видно было изменение курсантского состава, всего облика ТАУ. В начале 30-х годов преобладали бывшие батраки, рабочие, участники гражданской войны, конфликта на КВЖД.

Народ большей частью взрослый, с большой жадой не только специальных, но и общеобразовательных знаний. Им было очень трудно. Проходили небольшой по времени, но большой по программе подготовительный курс и далее шли по нормальной программе.

Вот здесь необходимо отметить особую роль таких кадровых преподавателей как Альбицкая Н.В. и Михайлов В.М. Альбицкая преподавала русский язык и литературу в ТАУ с 1921 года (по 1937 г.), Михайлов – математику с 1923 г., еще с Красноярска, на них-то и легла вся тяжесть общеобразовательной подготовки будущих курсантов.

В характеристике Н.В. Альбицкой от 25/IX-1929 г. за № 2200 указано, что она во внеурочное время ведет дополнительные занятия с отстающими, а их всегда было очень много и, кроме того, «... по личной инициативе оказывает помощь тем курсантам, которые приходят в школу с низким общеобразовательным уровнем. Особенно следует отметить ее большую работу на курсах по подготовке батраков и рабочих в военные школы. Работу эту она вела одновременно со своей служебной, не получая за это никакого вознаграждения. Два года подряд из-за этого не пользовалась отпуском».

Наталья Владимировна прекрасный литератор и оратор, участник 1-го съезда советских писателей⁷, своими уроками, дополнительными беседами, лекциями, сумела не только научить курсантов русскому языку, но и воспитать в них любовь и гордость за отечественную литературу. У нее был тоже свой, любовно оборудованный класс. Она была много лет в редколлегии газеты ТАШ, а потом ТАУ, руководителем литературного кружка среди курсантов, командиров и жен командного состава, за что имела много благодарностей, грамот. Вообще можно было удивляться энергии этого человека – она вела, помимо ТАУ, большую общественную работу как методист, как прекрасный лектор. И, кроме того, одна без мужа, рано погибшего, воспитала троих детей, один из них – профессор Альбицкий Б.А., проректор Томского мединститута⁸.

В.М. Михайлов, поистине ветеран ТАУ – проработал с 1923 по 1957 год. Математика – ведущая дисциплина для артиллеристов, и Владимир Михайлович как преподаватель, наставник и друг, пользовался огромным заслуженным авторитетом, уважением и любовью своих многочисленных учеников-курсантов, командиров, офицеров.

Примерно с 1934-35 г.г. в ТАУ стала прибывать молодежь, сначала из неполных, а потом и из полных средних школ. Последние в 1936-38 г.г. получали особую специальную подготовку по 2-х годичной программе. Из общеобразовательных дисциплин они изучали

⁶ Исправлено. В тексте ошибочно указан 1934 год. Некролог опубликован в газете «Красное знамя» 18 ноября 1933 г. (№228).

⁷ Состоялся в Москве в августе-сентябре 1934 г. В его работе участвовали делегаты с решающим и совещательным правом голоса.

⁸ Б.А. Альбицкий работал в этой должности в 1963-1968 г.

только курс химии и математику, и те по программе ВУЗА. Но та же жажда знаний проявлялась и здесь. Интересовало все новое в науке. Курсанты охотно в выходные дни, во внеурочное время, ходили в институты Томска на организованные для них лекции «Жидкий кислород», «Атомная энергия», «Электромагнитные колебания» и др. Лекции читали проф. Большанина М.А., Кузнецов В.Д., Сапожников и др. Помогали преподавателям стрелково-артиллерийского дела оборудовать учебные полигоны в классе, оборудованию радиосвязи и т.д. Для проведения занятий с курсантами этих групп привлекались и преподаватели ВУЗов – теперь профессора математики Кузнецов⁹ и Н.Ф. Кунин.

Еще летом 1930 и 1931 года мне пришлось в лагерях заниматься на подготовительных курсах по естествознанию, с трудом разбирая вопросы трех состояний тел, очень примитивно – солнечной системы и т.д., а через 3-4 года передо мной уже ставились вопросы о глубокой структуре атома и его ядра, об ионизации, о теории выделения атомной энергии и т.д.

Многие мечтали об академии и многие потом направились туда. Приходилось заниматься и с командным составом – жизнь требовала и от них повышения знаний, общих и специальных.

Весной 1930 года я помогала готовиться к вступительным экзаменам по химии в академию трем командирам – Кулешову, Полякову и Акулову. В последующие годы это были целые группы, причем некоторые шли не только в артиллерийские, но и в военно-инженерные и даже (Цигвинцев) – в Военно-химическую академию.

Курсанты добивались отличных показателей в учебе не только личных, но и для всей группы, взвода, батареи, дивизиона, училища в целом, отсюда требовательность к себе, к товарищам, к преподавателям.

Самоподготовки проводились в учебном корпусе, организовано, но, пожалуй, интереснее всего было работать с курсантами непосредственно в общежитии. Преподаватели распределялись по батареям и были частыми гостями в общежитии. Здесь разговоры велись о многом и «по душам» – на общие, учебные и личные темы. Мы, преподаватели, чувствовали себя еще и воспитателями и старшими товарищами курсантов (была в те годы и традиция – в праздничные дни преподаватели обедали с курсантами в своих батареях, потом (с 1935-36 г.) этот обычай вывелся).

За 10 лет много прошло курсантских групп, но и сейчас еще при встрече узнаю бывшего курсанта и как он учился, многие фамилии помнятся и сейчас – т. Ушацкий, Мамаев (маляр-самоучка), Нестеренко, Тараненко, Горбачевы, Сиромеха, Ращенко, Архипов, Кляцкин, Худяков, Миронов и многие другие.

У меня, может быть, больше был контакт с курсантами еще и потому, что мне в 1933-34 годах было приказано овладеть фотоделом, приказано – выполнено. Вот так я и стала фото-корреспондентом, потом руководителем фотокружка, редактором фотогазеты.

Фотокружок работал хорошо. Туда входили многие командиры, политруки, преподаватели и, прежде всего и больше всего, курсанты. Фотокомнатки были оборудованы в общежитии, в клубе ТАУ и очень неплохая фото-лаборатория в учебном корпусе. Устраивались фото-выставки отличников, отдельных моментов и этапов боевой подготовки, спортивных мероприятий, самодеятельности. Фото-газеты посвящались определенному дню, выходам в поле и т.д. Выпускались часто, нередко в виде дружественных шаржей с довольно острыми подписями. В лагерях у нас тоже была такая фото-землянка, причем там фото-газета шла как «Молния». [Ее] срочно печатали, сушили, наклеивали, особенно во время учебных выходов, спортивных игр и т.д.

⁹ Речь может идти о профессоре В.Д. Кузнецове (СФТИ), ассистенте А.С. Кузнецове (СФТИ) или профессоре Ю.А. Кузнецове (ТИИ).

Снимали мы и знаменитые лыжные пробеги ТАУ. Один под командой т. Нестеренко А.И. [был протяженностью] 1071 км¹⁰; второй до Новосибирска, под командой т. Архипова, ездил я провожать последних до Черного Яра. Пленки были переданы ТАУ. Мы приготовили 2 альбома, один был передан в СибВО, второй послан в Москву. Художественно первый оформляли курсанты, второй чертежница ТАУ В.Т. Лабыкина.

Очень много интересных снимков, пленок, негативов пропало на складе учебных пособий, куда все было приказано сдать в 1937 году.

Из командного состава активно занимались фотоделом комиссары училища – т.т. Серебров, Лебедев, политруки Попов, Перетягин, командиры Иванов, Богров, Молев, Гордеев и другие, и много, много курсантов – Калецкий, Сурсов, Казаков...

Многие фотокорреспонденты были активными корреспондентами школьной (а потом училища) многотиражной газеты, при газете был и литературный кружок. Многие курсанты писали не только очень грамотно, но и литературно (Худяков, Волков, Кулиниченко и др.) Последние годы работы в ТАУ я была заместителем редактора и корректором многотиражки, работать с корреспондентским курсантским составом было легко и интересно.

Очень часто писали в газете такие преподаватели, как полковник А.И. Рымашевский, майор Татур, майор Люкшин, Переманов и другие.

Тепло и с большим уважением писали и курсанты о своих лучших преподавателях – Михайлове, Люкшине, В.П. Бурковском, и особенно о преподавателе стрелково-артиллерийского дела Рымашевском. «Работать как Рымашевский», - так говорили курсанты и действительно нужно было учиться у него жить, мыслить и работать как он. Он писал учебник, писал статьи, искал все новые и новые пути для преподавания своей, ведущей в ТАУ, дисциплины. Это был высокообразованный, обаятельный человек. Я знала его и в семейной обстановке, наши дети учились вместе и дружили. Он писал и свои мемуары, готовил к печати новое руководство, но все это оборвалось в 1937 году. Так же, как он, ушли многие талантливые руководители и воспитатели Бурковский, Люкшин, Пантюхин и многие другие.

Этой грустной страницей не хочется заканчивать своей заметки.

В 1939 году я перешла на работу токсиколога на военную кафедру [военно-санитарной подготовки] Томского медицинского института, но еще до мая 1940 продолжала по совместительству вести занятия в ТАУ.

Зимой 1940 г. по просьбе начальника кафедры военно-санитарной подготовки Н.С. Шунько командование ТАУ передало безвозмездно всё токсикологическое оборудование, много химической посуды и реактивов кафедре ТМИ.

Хочется пожелать курсантам ТАУ помнить старые традиции выпускников ТАУ – учиться и работать так, как будто ты собираешься жить вечно.

Могилевская

ЦДНИ ТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 418. Лл. 55-63. Подлинник. Машинопись.

¹⁰ Лыжный пробег курсантов ТАУ под командованием А.И. Нестеренко состоялся в феврале 1935 г. Он начался 8 февраля, продолжался 11 дней, до 21 февраля 1935, за время пути было две днёвки. За это время был пройден маршрут Томск – Анжеро-Судженск – Кемерово – Бочаты – Сталинск (Новокузнецк) – Тогул – Барнаул – Бердск – Новосибирск. См. *Архив ТОКМ. Ф. 9. Оп. 23. Д. 18, Д. 517.*